

КОРПУС ЖАНДАРМОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ШПИОНОВ

ИЗ ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Жандармерия и шпионы — вот два могучих орудия в руках правительства в борьбе с идеями и ее представителями, это заклятые враги всякого благородного стремления, это наши свирепые палачи. Постараемся ознакомиться с ними поближе.

Институт жандармов был основан в России в царствование Николая I, ранее обязанности жандармов выполняли фельдъегери. Жандармы делятся на два дивизиона: охранительный и наблюдательный, к последнему принадлежат и железнодорожные жандармы. Охранительный дивизион заведует делами политического свойства, наблюдатели выступают в роли полиции в торжественных случаях. Жандармерия находится под управлением жандармского окружного управления; кроме того существуют губернские и уездные управления; каждое управление пользуется услугами отряда жандармов под начальством жандармского офицера.

Жандармы набираются из действующей армии, а так как жалование их гораздо больше того, что получают простые военные, то кандидатов всегда достаточно; однако должности получить довольно трудно. От офицера, почувствовавшего призвание к жандармской службе, требуется следующее — письменное изложение своих политических и общественных убеждений, выяснение причин, побудивших сделаться жандармом; он, его жена и дети должны быть православными; наконец, надо выдержать практический экзамен и проявить необходимую ловкость и способности шпиона. Практический экзамен производится таким образом.

«Играете ли вы в карты?» — спрашивает экзаменатор. «Да, играю» — следует ответ. «Так расскажите мне все, что знаете насчет бубнового туза». «Он красный на белом поле, на обороте имеет такой-то крап и т. п.» «А что еще вы можете о нем сказать?» Офицер утверждает, что сказал решительно все. «Очень жаль», — говорит «профессор» — Вы не годитесь в жандармы; вы не заметили, что на обороте написано: «Карточный сбор идет в пользу благотворительных учреждений», жандарм не мог бы этого не заметить».

Трудно предположить, что жандармский офицер не сознает своей позорной роли, в обществе; он хорошо чувствует, что его будут окружать всеобщее презрение, и потому в жандармы поступают почти исключительно люди бесчестные, безнравственные, настоящие подонки общества. Презрение к жан-

дармам так велико, что даже армейские офицеры не допускают их в свое общество и возвращение в армию для них невозможно. Рядовые жандармы набираются из рядовых армии по добровольному соглашению; требуется для них некоторая сметливость и грамотность, а также желательна наличность какого-либо имущества. Обыкновенные офицеры получают извещение, что требуется такое-то число жандармов, они предлагают своим сол-

ФОРМА ЧИНОВНИКОВ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

датам перемену службы, и желающих всегда много: их прельщает 10-рублевое месячное жалование и полное содержание, кроме того, солдат не имеет никакого понятия о позорных свойствах предстоящей ему службы. Его отдают сначала в жандармское училище, лучшие ученики определяются впоследствии в охранительный дивизион, менее способные — в наблюдательный.

В сношениях с людьми жандармы ведут себя по-разному, согласно своим интересам; они боятся слишком раздражать общественное мнение (помня, может быть, судьбу Стрельникова, Судейкина, Селиверстова), и потому по отношению к политическим преступникам, на которых главным образом обращено общественное внимание, они чрезвычайно вежливы и предупредительны, зато по отношению к лицам маловлиятельным, за которых никому заступиться, они возмутительно грубы.

Ни один из государственных институтов не пользуется такими широкими полномочиями и не выполняет таких разнообразных функций, как жандармерия, перед ней пресмыкаются все власти и учреждения, в случае нужды она даже вправе арестовать начальника края. И все это могущество — следствие ее политической деятельности. Вначале полиция была ее грозным соперником, еще в 1870-х годах она совершила много политических арестов, теперь же все это в руках жандармерии,

и она — полномочный орган политического гнета.

Обязанности жандармов состоят в следующем: 1) открывать и выслеживать (лично и с помощью шпионов) политических преступников; 2) производить обыски и аресты. По закону, при обыске жандарм должен иметь и по требованию предъявлять письменное разрешение прокурора, хотя очень часто, с присутствием им нахальством, они этим пренебрегают. В обыске участвуют несколько жандармов и городских шпионов, околоточный надзиратель, жандармский офицер, а если случай посерьезнее, то и прокурор или его товарищ. Этот последний всегда является в тех случаях, когда решено арестовать, какими бы ни были результаты обыска. Все это общество врывается в дом, призывая в свидетели хозяина, управляющего домом, дворника или кого-нибудь из квартирантов, потом стучатся к жертве. На вопрос: «Кто там?» — отвечают обыкновенно: «Телеграмма»; иногда, не говоря ни слова, ломают дверь, желая поймать врасплох.

Войдя в квартиру, жандармский офицер пытается смутить обыскиваемого бесчисленными вопросами, остальные его товарищи бросаются осматривать постель, одежду, мебель, роются в комодах, шкафах и сундуках, заглядывают в печь и под образа и повсюду, где только можно было что-либо спрятать. Если причина обыска очень важная, тогда обыскивают погреб и чердаки, срывают обои и полы. Если что-нибудь конфискуется, это должно быть занесено в протокол, причем заметим, что нелегальные брошюры и книги, найденные в одном экземпляре, не служат доказательством виновности, особенно если они научного, социологического или исторического содержания, другое дело, если книги в нескольких экземплярах, ибо это доказывает, что они распространяются.

Свершив все дело, жандармы арестовывают подозреваемого; иногда они остаются в квартире, чтобы задержать всех проходящих, поэтому нужно немедленно уведомить об аресте всех знакомых арестованного. Правой рукой жандармерии служит организация шпионов. Это организация тайная, но многие факты дают нам о ней ясное понятие. Как известно, шпионы делятся на постоянно исполняющих должность и на временных добровольцев; прочие полицейские сыщики

составляют особую категорию, не принадлежащую к организации политических шпионов. Известно также, что в организации существуют старшие, или обер-шпионы, и их подчиненные нижние чины, кроме того, каждый жандармский офицер и каждое направление имеют под собой отряд шпионов. Одни из шпионов не имеют никаких определенных занятий, а только шляются по улицам и конкам; другие под видом рабочих, студентов, чиновников и т. п. стараются проникать повсюду, где только подозревается нелегальная деятельность, третьи постоянно путешествуют по железным дорогам. Уличные шпионы, переодетые нищими, франтами, старьевщиками или мастерами, разгуливают по городу, торчат целыми часами по углам, у ворот домов, где живут лица, за которыми шпион следит.

Шпион обязан, вероятно, сообщать начальству результаты своих наблюдений; они могут носить следующий характер: данное лицо уходит из дому и возвращается в такое-то время, его посещают такие-то лица, или, например: по улице прошла кучка людей, в их числе находилось лицо, за которым шпион следит. На основании всех этих сведений жандарм может сделать обыск и обвинить арестованного. Кроме того, шпионы должны стремиться к возможно более обстоятельному ознакомлению с лицами и делами нелегального характера, подробности они узнают благодаря личным наблюдениям, а также через прислугу и дворников.

Упомянем теперь еще об одной особенно опасной разновидности шпиона — это так называемый шпион-провокатор.

Притворяясь социалистом, провокатор сам образует тайный кружок или проникает в уже существующую организацию и при удобном случае передает ее в руки жандармам; в этом и состоит вся его деятельность.

Провокатором очень часто бывает человек интеллигентный, начитанный, проявляющий необыкновенное рвение и преданность делу; поэтому трудно разоблачить его и следовательно, необходимо помнить все правила конспирации, не доверять людям малоизвестным и стараться узнать характер человека и причины, побудившие его примкнуть к революционному движению. Если такой причиной являются некоторые научные убеждения, поддерживаемые нравственными качествами человека, если этот человек не только на словах, но и в домашней, обыденной жизни проявляет способность к самопожертвованию — он искренне предан делу и сумеет постоять за свои идеалы; это деятель в самом благородном и полном смысле слова.

1888 г.

Из воспоминаний полковника А. Герасимова - начальника Петербургского Охранного отделения (1905-1909г.)

Главной задачей полковника Герасимова был разгром революционного подполья. Ставка была сделана на внедрение в революционные круги полицейской агентуры. Она должна была информировать «охранку» о планах подпольщиков. Но растущая революция расшатала даже систему политического сыска...

РЕВОЛЮЦИЯ НАРАСТАЕТ

«(...) Мои агенты докладывали мне, что в университете, в технологическом, лесном и прочих институтах, как и в других высших учебных заведениях, непрерывно следуют митинг за митингом. Все аудитории, все залы переполнены народом, слушающим революционных ораторов. В актовых залах шли общие, политические, массовые митинги. В отдельных аудиториях происходили собрания по профессиям. Отведены отдельные аудитории для чиновников, солдат, офицеров, полиции и даже для агентов охраны. И повсюду плакаты: «здесь собрание кухарок», «здесь собрание сапожников», «здесь собрание портных» и прочие и прочие. С полудня до поздней ночи не прекращалось митингованье. Одна толпа сменяла другую. Рабочие, служащие, женщины, подростки, студенты, курсысты — все это выходило из зданий высших учебных заведений, все это волновалось, шумело, слушало и приветствовало революционные речи, аплодировало самым радикальным антиправительственным резолюциям. Представители революционных партий еще недавно решались выступать только в гриме, в очках, скрывались после произнесения речи. Сейчас они осмелели, открыто говорили и действовали. И повсюду раздавались и расклеивались революционные листки. В отдельных аудиториях складывались объединения по профессиям. В общих залах шли, всё разрастаясь, политические митинги, формулируя перед сменяющимися толпами революционные программы и лозунги. У аудиторий, отведенной под собрание городских, висел плакат: «Товарищи городские, соберитесь поговорить о своих нуждах». И мои агенты видели, как некото-

рые городские в форме шли в эту аудиторию...

Согласно инструкции Рачковского (начальник политического отдела Департамента полиции - ред.), я приказал своим агентам выяснять на митингах личность ораторов. Но это далеко не всегда удавалось, так как некоторые ораторы выступали замаскированными, и их постоянно охраняли. Поэтому я вскоре отдал моим агентам распоряжение перестать ходить на митинги.

Трепову (генерал-губернатор Петербурга - ред.) я продолжал рассказывать, что происходит в университете, как растут митинги. Он выслушивал меня с видимым неудовольствием, а потом просто стал отмахиваться от меня:

- Будет, будет. Условно. И так знаю... Власть в этих условиях начала явно расплываться. Из многих участков стали сообщать, что городские боятся ходить на службу. На них народ нападает. В начале октября один агент, выслеживавший собрание за одной из застав, не вернулся, а вскоре нашли его труп. После выяснилось, что революционеры его арестовали, нашли при обыске документы, подвергли допросу и убили. Это чуть не привело к забастовке даже у меня в Охранном отделении. Агенты стали говорить, что они более не могут ходить за черту города. Я быстро подавил эти разговоры, имел с ними объяснение, строго отчитал и заявил, что не допусшу таких вещей. Но было ясно, что так дальше продолжаться не может. Власть нет. Нужно решиться пойти в ту или другую сторону — иначе все окончательно погибнет».

В левом движении уже давно идет дискуссия: когда в большевистской партии начались «сталинские искажения»? Практически все исследователи смотрят на послеоктябрьский период. Но история не знает «провалов памяти». Чтобы выяснить, когда сталинцы «исказили» ленинскую партию, нужно проследить ее историю «с пеленок». Но возможно тогда вопрос зазвучит иначе: а были ли искажения?

В апреле-мае 1907-го года в Лондоне проходил 5-й съезд РСДРП. Одним из пунктов повестки дня был «рабочий съезд». Большевики предлагали помочь пролетариям собраться для учреждения своей классовой организации. Объясняли это тем, что марксисты должны содействовать классовой самоорганизации рабочих. Большевики возражали: это ослабит пролетарскую партию. Мол, кто хочет бороться, идите к нам. Зачем создавать другие пролетарские организации? Тогда один из сторонников рабочего съезда Павел Аксельрод заявил (цитируется по протоколу съезда): «Я утверждаю, что партия наша является по происхождению своему и до сих пор еще остается революционной организацией не рабочего класса, а мелкобуржуазной интеллигенции (шум, протесты со стороны большевиков, возгласы: «Слушайте!») для революционного воздействия на этот класс. Да, наша партия исторически сложилась, в силу всей совокупности условий своего возникновения, развития, в организацию революционной интеллигенции и до сих пор сохраняет еще этот характер. Против этого выставляют тот факт, что рабочие численно преобладают в нашей организации. Но подавляющее большинство только в самое последнее время вступило в нее или, вернее, допущено или принято в организацию — притом чуть ли не чаще всего из фракционных расчётов. И масса принятых в ее среду

пролетариев до сих пор является в партии чем-то вроде сословия плебеев, между тем как интеллигенция играет роль аристократии, сословия патрициев, управляющего внутренними и внешними делами нашего партийного государства, опекающего ее плебейские низы от всяких тлетворных влияний извне. Рабочие, входящие в нашу партийную организацию, в массе своей далеко не чувствуют себя полноправными хозяевами могущими по своему усмотрению реформировать ее, перестраивать и изменять ее тактику сообразно новым политическим условиям и росту запросов рабочего движения. Они приняты в граждане готового, вполне сложившегося государства, имеющего свой старый порядок и далеко еще не освоились в нем, как в своем отечестве. Партия наша должна еще претерпеть радикальные изменения, чтобы она стала в глазах самих рабочих настоящим отечеством. Очень печально, что приходится все это еще доказывать».

Уже здесь просматривается грядущий «сталинизм» партийной бюрократии, которая во многом выросла из интеллигентно-подпольщиков. Может, отсюда и нужно считать «перерождение» партии — практически с ее рождения. Напомним, на дворе 1907 год, а оратор говорит о ситуации, давно сложившейся в партии. Впрочем, наследники большевизма вряд ли будут размышлять об этом. Им проще заклеймить Аксельрода как клеветника на РСДРП. Вот и нет проблемы!

А в вопросе о рабочем съезде партийный съезд поддержал большевиков...

